

УДК 81'37
DOI 10.17223/18137083/76/12

**Домовой кузютка:
внутренняя форма и символическое значение слова
в свете социологических и этнографических данных**

И. В. Якушевич

*Московский городской педагогический университет
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу внутренней формы тувльского диалектного слова *кузютка*, обозначающего домового. Шире в статье решается проблема мотивации семантически синкретичного корня *куз-*, легшего в основу ряда однокоренных слов и ставшего источником нескольких символических значений домового (А. Н. Афанасьев, А. А. Потехина, В. Н. Топоров). В результате анализа были найдены четыре варианта мотивации слова *кузютка*: 1) от коми-зырянского и коми-пермяцкого существительного *кузь* со значением 'черт, леший'; 2) от тюрк. *кузов*; 3) от диалектного глагола *кузюкать*, восходящего к тюрк. *коза*; 4) от имени *Кузя*, отождествляемого народной этимологией с кузнецом и восходящего к имени св. Космы. Выбор наиболее вероятной этимологии тувльского диалектизма обоснован этнографическими данными и социологической статистикой, обработанной в виде картограммы.

Ключевые слова

внутренняя форма слова, домовый, символ, этимологическое значение, символическое значение, лексико-семантический синкретизм

Для цитирования

Якушевич И. В. Домовой кузютка: внутренняя форма и символическое значение слова в свете социологических и этнографических данных // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 152–164. DOI 10.17223/18137083/76/12

**Brownie *kuzyutka*:
the internal form and symbolic meaning of a word
in the light of sociological and ethnographic data**

I. V. Yakushevich

*Moscow City University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper is devoted to the analysis of the internal form of the Tula dialect word *kuzyutka*, meaning brownie. Analysis of the internal form allows detecting a hidden, symbolic meaning of the word (A. N. Afanasyev, A. A. Potebnya, V. N. Toporov). More broadly, the paper addresses the problem of the etymological significance of the semantically syncretic (M. V. Pimenova) root of *kuz-*, which is the basis of a number of root words and the source of several symbolic meanings of the brownie. The analysis has revealed three variants of the etymology of the word *Kuzyutka*: 1) from the Russian *Kuzma*, identified by folk etymology with the blacksmith and ascending to the name of St. Cosmas; 2) from the dialect word

© И. В. Якушевич, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 3
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 3

kuzyukat (and its variants) with the meaning “to tickle, making ‘horns’ with fingers,” which goes back to the Turkic *koza*; 3) from Turkic *kuzov*. All three meanings are united by common symbolic meanings ‘fertility’, ‘prosperity’, ‘children’, ‘marriage’, ‘needlework’ related to the lexical background and have cultural and mythological value. The choice of the most probable version – *kuzutka* as a diminutive version of *Kozma* – is justified by sociological statistics and ethnographic data processed using the cartographic method. From ancient times, Dubensky area, where the word was fixed, and its surroundings were famous for blacksmithing. That is why there is a very high concentration of the temple consecrated in honor of St. Cosmas and Damian – the patrons of the blacksmiths.

Keywords

internal form of the word, brownie, symbol, etymological meaning, symbolic meaning, lexical-semantic syncretism

For citation

Yakushevich I. V. Brownie *kuzyutka*: the internal form and symbolic meaning of a word in the light of sociological and ethnographic data. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 152–164. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/12

Диалектные слова – это уникальный дар ушедших поколений потомкам. В них заключен своеобразный код культуры, содержащий древнюю мифологию и обусловленное ею «национально-специфическое отношение к миру», помогающее сохранять этническую идентичность [Маркина, 2016, с. 64]. Исследование диалектной лексики – не только дань национальной культуре, но и своего рода экскурс во внутренний мир человека прошлых эпох. В. Н. Топоров [2004] считал, что «на основании разных принципов разбиения действительности с помощью языка, в связи с основными принципами называния» можно реконструировать психологию наших предков, а в сравнении с ней по-другому увидеть личность современника.

Предметом данного исследования является очень редкое и забытое диалектное слово *кузютка*, обозначающее в говорах Тульской области домового. Главная задача – определить внутреннюю форму *кузютки*, а через нее – символическое значение домового, скрытое в лексеме. Для этого потребуется изучение этимологического значения корня *куз-* и его реализации в других номинациях.

В учении А. А. Потебни слово – символ, а его «хранилищем» является внутренняя форма слова – «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль». Внутренняя форма, согласно А. А. Потебне, двухкомпонентная. Первый компонент – это перцептивный образ предмета, представленный в совокупности разнообразных признаков. Их набор у народа индивидуален. Второй – «ближайшее этимологическое значение», в основу которого лег только один из признаков. Так, за словом *окно* стоит зрительный образ рамы со стеклом. Среди множества его признаков (быть отверстием в стене, прозрачность, квадратная или округлая форма и пр.) только один стал этимоном: ‘то, куда смотрят или куда проходит свет’ [Потебня, 1999, с. 90]. Это и есть внутренняя форма слова *окно*, ставшая одним из его символических значений, – ‘окно как глаз’. Оно возникло из отношения эмпирического образа и этимона. В мифологическом сознании древнего человека окна являлись «глазами» дома и отвечали за течение времени: окно осветило избу – солнце встало, и начался день; окно погасло – солнце зашло, и наступала ночь. В русских загадках и пословицах светило и окно связаны, например: *Красная девушка в окошко глядит* (солнце); *Дверь добра с ушами, а хоромина с очами* [Даль, 1989, с. 403, 139].

В семантико-семиотической традиции (Р. Барт, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман) символ – это знак с тремя компонентами и двумя ступенями означения: 1) звукобуквенная форма слова; 2) перцептивный образ, представленный как понятие и совпадающий, как правило, с первичным номинативным значением; 3) символическое значение. Символизация – это процесс означения перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей другой, мало исследованной человеком, чаще абстрактной реальности ('зрение', 'мир', 'смерть', 'душа', 'плодородие' и пр.) [Якушевич, 2018, с. 56–83]. Полученное в результате символизации значение и следует называть символическим. Так, слово-символ «окно» состоит из 1) звукобуквенной формы слова *окно*; 2) перцептивного образа 'застекленный проем в стене, служащий для поступления света в помещение, а также вентиляции' [СРЯз, 1999]; 3) закрепленных за означаемым символических значений, отраженных в русской культуре, среди которых и значение 'окно как глаз'.

Слово *кузютка* в «Словаре русских народных говоров» (далее СРНГ) обозначает два омонима: 1) корзинку из бересты в форме кулька (Шил. Ряз.); 2) беса, домового, а также 2а) прозвище, возникшее как метафора от № 2 (Дубн. Тул.): *Пойди к кузютке, попроси молотилку* [СРНГ, 1980, с. 29]. Обратимся к значению № 2. Перцептивный образ домового описан, например, в «Славянских древностях», где он имеет вид лохматого, с большой седой бородой старика, обросшего шерстью, с косматыми ладонями и подошвами, длинными ногтями, в красной или белой рубахе, кафтане или зипуне [СД, 1995, с. 121]. Образ дополняют стимулы, вызывающие реакцию «домовой»: 'бородатый', 'кузница', 'печь', 'свистеть', 'скрип', 'чертенюк' [Караулов и др., 2002].

В сказке «Кузька-Кузютка» А. М. Ремизов описал непосредственно тульского домового – маленького старичка с хвостатиною («от земли не видать, псивый»), обгладывающего бычий хвост. «Все цветы ему кланяются, все дороги расступаются, каждая кочка стол ему, каждая норка – комната»¹. Происхождение Кузютки А. М. Ремизова, очевидно, из «Автобиографии 1912», где автор писал о своих тульских (из г. Венёва) корнях по отцовской линии и о том, что его няня была родом из Тульской губернии, а кормилица – из соседней Калужской. Именно «от них-то я впервые и услышал чистый русский говор, от них я узнал русские сказки, в их жалобах, в их молитве, в их жизни самой я почувствовал нашего русского Бога» [Ремизов, 1993, с. 439]. Исследование внутренней формы слова *кузютка* внесет в его семантику новые объективные символические значения.

В слове *кузютка* мы имеем дело с непроизводной основой *куз-*, которую можно отнести к проявлению лексико-семантического синкретизма. Это «изначальная семантическая нерасчлененность, косвенно подтверждаемая существованием теории и практики так называемой «множественной этимологии», допускающей «одновременное существование нескольких (иногда – многих) семасиологических связей в истории того или иного значения» [Пименова, 2011, с. 21]. Корень *куз-* относится именно к таким полисемичным единицам, когда одному означаемому (корню *куз-*) соответствует несколько означаемых, связанных с двумя и более денотатами и сигнификатами [Пименова, 2011, с. 25]. Результатом реконструкции внутренней формы слова *кузютка* являются четыре возможных варианта решения этой задачи.

¹ Ремизов А. М. Кузька-Кузютка. Сказка // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: <https://ruskline.ru/tema/> (дата обращения 03.09.2019).

1. От коми-зырянского и коми-пермяцкого существительного *кузь* ‘черт, леший’. Эта точка зрения принадлежит известному историку языка, этимологу И. Г. Добродомову и отражена в его статье «Кто такая кузькина мать?». Поиск мотивирующего слова приводит нас к основе *кузь-* и деминутиву *-утк-*. Согласно И. Г. Добродомову, общепермская форма **kuz'a* является старым болгарско-чувашским заимствованием слова *хуса* («хозяин, владелец»), попавшим и в другие финно-угорские языки Поволжья. Именно к этому слову восходит русское слово *хозяин* [Добродомов, 1900, с. 131–132], появившееся, однако, в русском языке только в начале XVII в. [Черных, 1993, т. 2, с. 346]. И нет никакого сомнения, что пермское слово *кузя* имеет именно такую этимологию: *Залезет, а кузя-то там, кузя-то поймает его* [СПГ, 1991, с. 447].

С другой стороны, если заимствование из болгарского языка было таким очевидным и повсеместным, остается недоумевать, почему *кузютка* существует только в одном маленьком районе Тульской области, в то время как в северных областях (например, Кир., Волог.) он так и называется *хозяин* [Даль, 1994, т. 4, с. 558]. Возможно, это связано с тем, что территория Дубенского района Тульской области, а также Калужская, Тульская, Орловская, Брянская и запад Курской области были коренными землями вятичей, которые полностью консолидировались с другими составными частями великорусской нации лишь к концу XVII в.² На этих землях не проживали постоянно ни болгары, ни их наследники татары, чуваша, башкиры. С конца XI в. не было на этой территории и финских народов, а южная граница расселения мери проходила севернее: исторические мерянские земли входили в современные Владимирскую, Ивановскую, Ярославскую, восточную часть Московской и западную часть Костромской области³. Таким образом, болгарское и тем более финно-угорское происхождение *кузютки* именно в Дубенском районе Тульской области сомнительно.

II. От корня *куз-* со значением ‘плетеное из бересты изделие’. Эта версия возникла потому, что слово *кузютка* в значении ‘корзинка из бересты в форме кулька’ встречается в Шиловском районе Рязанской области.

В значении ‘плетеный из бересты или лыка короб, корзина’, по мнению ряда этимологов, имеет тюркское происхождение от корня *кузац* [Шипова, 1976, с. 203, Фасмер, 1986, с. 402] и мотивирует диалектные слова повсеместно: *куз* – ‘кузовок’ (Том.), *куза* – ‘берестяной кузовок’ (Олон.), *кузев* – ‘ковш, с помощью которого на мельнице насыпают рожь’ (Яросл.) [ЯОС, 1986, с. 103]. На территории Рязанской области в XVI в. находилось Касимовское ханство. И по сей день татары составляют значительную часть местного населения. *Кузютка*-‘кузов’, относясь только к областной рязанской лексике и имея тюркское происхождение, по сути, является омонимом *кузютки*-‘домового’.

Если с позиций этимологии *кузютка*-‘кузов’ и *кузютка*-‘домовой’ вряд ли родственны, то в контексте славянской мифологии между ними есть символическая связь: домовый отвечал за благополучие семьи – ее материальный достаток, здоровье, судьбу каждого из домочадцев, в особенности в связи с браком и рождением детей. Он тот, кто следил, чтобы кузов был полон. Проиллюстрируем тезис примерами. Так, о приданом бедной невесты говорили: *голик* (веник. –

² Никольская Т. Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

³ О границах расселения мери см.: Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери // Изв. УрГУ. 1997. № 7. С. 5–17.

И. Я.) *рощи да кузов земли*. В русской примете *Егорий с кузовом*, *Никола с возом кузов* означает буйный рост травы к 6 мая (день св. Егория), а значит, и запасы корма для скота на всю зиму; на Николау 19 декабря выпадет снег, встанут реки, и будет хороший санный путь [Даль, 1994, т. 1, с. 514]. В кузове «хранилось» здоровье домочадцев. Об этом рассказывает старинная русская поговорка: *шла баба из-за моря, несла кузов здоровья* [Афанасьев, 1994, т. 3, с. 121]. Кузовом называли живот человека: *Ножки, ножки! Унесите кузовок! / Не ходи плясать кузовком, ходи ребром!* [Даль, 1994, т. 2, с. 213]. *И много за морем грибов, да не по нашему кузову* [Даль, 1989, т. 2, с. 131]. В Тюменской области *кузовом* называли живот беременной женщины, а в Ярославской *кузовенькой* – саму женщину [СРНГ, 1980, с. 26]. Берестяной кузов относился к плетенному изделию, символизировавшему на Руси любовь и брак, как и завивание кудрей, плетение кос, вязание, ткачество [Потебня, 1989, с. 369]. Брак и рукоделие были частью одного обрядового таинства.

Таким образом, значения ‘кузовок’ и ‘домовой’ слова *кузютка* могут рассматриваться как проявление лексико-семантического синкретизма, несмотря на языковую омонимию, ввиду общности символических значений ‘достаток’, ‘брак’ и ‘плодородие’ (о синкретичности значений слов-символов см.: [Пименова, 2011, с. 27, 33]).

III. От глагола *кузюкать* – ‘щекотать’. *Кузютка* может быть производным от глагола *кузюкать* в значении ‘щекотать’ (Калуж.) в результате присоединения суффикса -к- со значением субъекта действия. Среди диалектных названий домашнего отглагольные образования встречаются часто: *играть* – *игрец* (Курск., Орл.), *лизать* – *лизун* (Арх.); и даже с тем же суффиксом: *манить* – *манілко* (Волог.), *бóмкать* (‘шуметь’) – *бомка* (Арх.), *пугать* – *пужанка*.

Глагол *кузюкать* со значением «щекотать маленького ребенка, деля пальцами рожки» [СРНГ, 1980, т. 14, с. 79] распространен в центральной и восточной группах говоров южнорусского наречия: Рост., Курск., Ставро., Кубань, Ворон., Юго-Вост. Есть другие варианты этого глагола: *кузюкать* (Калуж.), *кузюкать* (Тул., Орл., Брян., Ворон., Дон.), *кузюкать* (Дон.), *кузюкаться* (Орл.), *кузюкаться* (Курск., Рост., Ставро., Юго-Вост., Кубань, Орл.) [СРНГ, 1980, т. 16, с. 28, 200]. Следует особо подчеркнуть, что *кузюкать* встречается непосредственно на границе Калужской и Тульской областей, т. е. как раз в Дубенском районе, а значит, вероятность мотивации этим глаголом слова *кузютка* велика.

В свою очередь, слово *кузюкать* произошло от *кузы* или *кыза* (‘коза’ в языке детей) (Ворон., Пск., Краснояр.), или *кыза* (Влад.) [СРНГ, 1980, т. 16, с. 200; т. 13, с. 203]. В Орловской области *кузы* – отгонное слово для козы [СОГ, 1992, т. 5, с. 158]. В Курской области, на Дону и в Красноярском крае *кузы-кузы* – междометие, которым подзывают и отгоняют коз: *Залезла козочка к мне в сад и шыпаит листики, а я кричу: «Кызы, куды, кызы, пошла»* [СРНГ, 1980, с. 200; БСДК, 2003, с. 255]. В словаре М. Фасмера зафиксировано похожее слово *кузытать* с тем же значением, восходящее к слову *коза* [Фасмер, 1986, с. 279]. По мнению О. Н. Трубачева, слово *коза* и его производные не только в русском, но и во всех славянских языках имеют древнетюркское происхождение: «восточная периферия индоевропейской языковой территории получила достаточно рано из расположенных, вероятно, далее к востоку древнетюркских диалектов некоторые термины, связанные с разведением домашних коз» [Трубачев, 1960, с. 88]. Таким образом, появление тюркизма как в южных, так и в центральных говорах, на

земле вятичей, объясняется очень древним заимствованием (еще в общеславянскую эпоху) тюркского слова *коза*.

И *кызя* (*кызя*), и *кузюкать* (*кызыкать*) относятся к коннотативной лексике, употребляемой по отношению к детям или детенышам животных. Следовательно, в этих словах содержится сема 'детеныш'. На это указывают СРНГ и контексты: *Дитишкаф кузюкают матеря* [БСДК, 2003, с. 246] / *А мой Ванька ат баиццъ кузюканья* [СОГ, 1992, т. 5, с. 137]. Тенденция называть детенышей животных *кузятми* наблюдается в разных областях России. Так, на Дону *кузюкать* означает 'подзывать поросят междометием *кузь-кузь*': *Подзывали кузят цоканьем или кузю-кузю*. Само поросят называли *кузятми*, *кузёнками* [Кудряшова, Брысина, 2015, с. 47; БСДК, 2003, с. 248]. В Псковской области так называли жеребят [ПОС, 2004, с. 332]. А в говорах казаков-некрасовцев *кузята* – это ягнята [СРНГ, 1980, с. 23], как и в башкирском языке (ср. башк. *кузик* – 'ягненок'). На Камчатке *кузмишки* – медвежата [СРНГ, 1980, с. 24].

В перцептивном образе домового актуализируется сразу несколько значений: он щекочет домочадцев и является героем детских игр; он покровительствует домашним животным (коза), шерсть которых символизирует достаток и плодородие в доме [Валенцова, 2002]. По рассказам «очевидцев» встречи с домовым, он «бантом завязывал хвосты у коров», или «лошадям косички завязывал и ленточки в них». Сам домовый, по народным поверьям, покрыт шерстью: у него «руки шершенатые, такие, как будто овчиной поволочены», «чуть заметные рога и подогнутый еле заметный хвост» (цит. по: [Померанцева, 1975, с. 98]). Таким образом, выделяем два символических значения: 1) 'детеныш'; 2) 'достаток и плодородие' через символическое отношение к шерсти домашних животных.

Итак, третий вариант реконструкции внутренней формы слова *кузютка* таков: это название домового возникло, вероятно, от слова *кузюкать* ('ласково щекотать детей, деля пальцами «козу»'), а то, в свою очередь, – от слова *кыза* или *кызя*, возможно, в виде междометий *кызя-кызя* или *кузя-кузя*, подзывающих или отгоняющих коз или других мелких животных. Этимологическим источником этих диалектизмов является древнетюркское, заимствованное в общеславянскую эпоху, слово *коза*. Однако остается неясным, почему слово *кузюкать* было распространено во многих районах, а слово *кузютка* зафиксировано только в Дубенском районе Тульской области? На этот вопрос, возможно, ответит четвертая версия о происхождении слова *кузютка*.

IV. Кузютка как уменьшительный вариант от Козьмы. Если словообразовательная структура *кузютки* состоит из основы *кузь-* и деминутива *-утк-*, то производящим является уменьшительный вариант имени *Козьма* – *Кузя* [Петровский, 1980, с. 137].

Имя *Козьма* заимствовано из греч. *Κοσμάς* ('космос'). Однако народная этимология настойчиво отождествляла его со словом *кузнец* [Фасмер, 1986, с. 403]. Общеславянский корень **ku* сближает лексемы *кузнец* и *ковати*, восходящие к и.-е. корням **kāu-* (**kōu-*), **kəu-* со значением «рубить, наносить удары» [Черных, 1993, с. 407, 450].

Имя *Козьма* ассоциировалось на Руси прежде всего с Кузминками, когда праздновали день памяти святых Косьмы и Дамиана – «божьих кузнецов», змееборцев. Кузнецы считали святых своими покровителями и не работали в этот день. Такая мотивация корня *куз-* актуализирована во многих диалектных словах в основном как результат метонимического переноса: *кузьмадемяна* ('святые' – 'религиозный праздник их памяти'), *кузьё* ('ковать' – 'кузнечные изделия'),

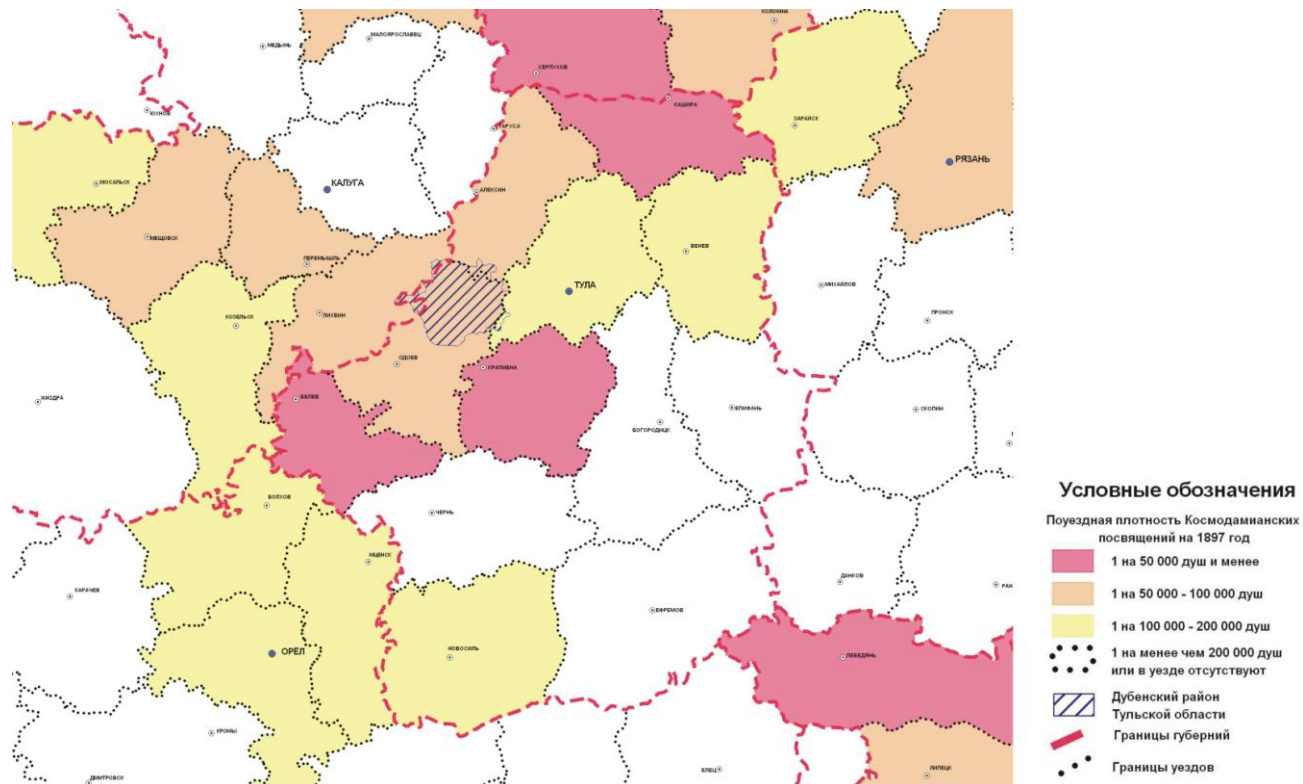
Колым.), *кузь* ('ковать, ударять' – 'шишика'; Курск.), *кузлó* ('ковать' – 'кованое изделие'; Арх., Перм., Новг., а также место, где куют лошадей (Арх.)), *кузнечóнок* ('ковать, кузнец' – 'сын кузнеца'; Ставро., Самар., Симб.) [СРНГ, 1980, с. 24, 25, 27], *ку́зик* – слово, возможно заимствованное из польского от *guzik* «литая пуговица» [Фасмер, 1986, с. 402], но с тем же о.-с. корнем ('ковать' – 'кованая металлическая пуговица'; Смол., Брян., Курск., Крым) и др. Есть и метафорическая номинация. Так, в Воронежской области *кузьмой* называли и праздник Кузьмы и Демьяна, и мороз, сковывающий лед, поскольку праздник приходился на 1 ноября – время первых морозов и ледостава [СРНГ, 1980, с. 27, 28]. В народе говорили: *Кузьма-Демьян с гвоздем мосты гвоздит* (т. е. «мостит» льдом реки. – И. Я.) [Афанасьев, 1994, т. 2, с. 583].

Домовой по функциям и роду занятий очень близок к святому целителю и кузнецу Кузьме сразу по нескольким причинам. Во-первых, если Кузьма и Демьян покровительствовали кузнечному делу, то напрямую имели отношение к огню. По мнению А. Н. Афанасьева, домовый персонифицирует печной огонь, и именно поэтому является единственным из демонических существ, кто может забраться на печку и даже там жить. За это в Польше его называют *выгорищем*, а у белорусов и русских – *подпечником* [Афанасьев, 1994, т. 2, с. 67]. Во-вторых, домовый отвечает за порядок в доме и благополучие семейного очага, а Кузьма и Демьян почитались женщинами как покровители брака и супружеского счастья. Показательна в этом случае загадка: *узелок-Кузьма – развязать нельзя* (цит. по: [СД, 1995, с. 264]). Это загадка не только о замке, как о бытовом предмете, но и о браке. В ней объединены сразу три денотата и три сигнификата: 'Кузьма', 'узелок' и 'замок', имеющие символическое значение 'брак и плодородие' [Левкиевская, 2002]. В-третьих, к святым обращались за помощью в рукоделии, поскольку традиционно с 1 ноября начинали прясть зимнюю пряжу [Белова, 2002]. В-четвертых, в уральских говорах упоминается некий злой дух, помогающий знахарю, – *кузúтик* (Перм.) [СРНГ, 1980, с. 27], по всей видимости, «брат» тульского *кузютки*. А известно, что святые Косьма и Дамиан в христианской традиции славились прежде всего как врачи-бессребреники. Вероятно, *кузютка* – это синкретичный персонаж домового и святого Кузьмы, покровительствующего домашнему очагу, семье и браку, кузнечному делу и рукоделию.

Итак, народная этимология объединяет два значения корня *куз-*: 1) 'имя Козьма'; 2) 'кузнец'. Из полученного синкретичного значения внутренней формы *кузютки*-домового как результата сближения с народными образами святых Кузьмы и Демьяна выделяем следующие символические значения: 1) огонь и кузнечное дело; 2) семья и брак; 3) рукоделие.

Тем не менее, версия о мотивации *кузютки* именем *Косьма* нам представляется наиболее вероятной. На картограмме Тульской губернии и прилегающих к ней уездов (см. рисунок) представлены данные о плотности посвящений св. Косьме и Дамиану в пересчете на православное население по данным переписи 1897 г. в границах уездного деления⁴.

⁴ Картограмма составлена В. Д. Якушевичем с применением ГИС «Панорама»; уездное деление – по специальной карте Европейской России И. А. Стрельбицкого, переиздание 1914–1915 гг. Исходные данные по храмам и посвящениям были взяты с сайта «Храмы России». URL: <http://temples.ru> (дата обращения 03.09.2019).

Плотность косьмодамианских посвящений в православных храмах Тульской губернии и в прилегающих уездах
 (картограмма выполнена В. Якушевичем)
 The density of Kos'modamian initiations in Orthodox churches of Tula province and adjacent uyezds
 (the map was made by V. Yakushevich)

Дубенский район, где было зафиксировано слово *кузютка*, расположен в основном на территории бывшего Одоевского уезда Тульской губернии, а также захватывает территории Алексинского уезда Тульской губернии и Лихвинского уезда Калужской губернии. Все три уезда обладают повышенной относительно остальной европейской части России концентрацией храмов и престолов, освященных в честь св. Косьмы и Дамиана. В пересчете на население этих уездов по переписи 1897 г.⁵ получается одно посвящение на 50–70 тыс. душ. А в соседних Белёвском, Крапивенском и Каширском уездах достигает плотности одно посвящение на 30–35 тыс. душ. Для сравнения: в среднем по европейской части России (в пределах нынешней РФ) одно посвящение было на 246 тыс. православных, включая старообрядцев. Из этого следует, что святые Косьма и Дамиан в этих уездах были особо почитаемы. Данные уезды с допетровских времен славились кузнечным делом и оружейным производством и впоследствии вошли в созданный при Петре I комплекс оборонных предприятий Тулы и ее окрестностей. Примечательно, что Косьма и Дамиан также были почитаемы и в других местностях, славившихся на Руси производством оружия, например: Бронницкий уезд Московской губернии, Устюженский уезд Новгородской губернии, Лебедянский и Липецкий уезды Тамбовской губернии. В Сибири до революции косьмодамианскими храмов и престолов не было вообще. Но в 2000-х гг. с массовым строительством новых храмов они появились не где-нибудь, а в знаменитом своей металлургией Кузбассе.

Подведем итоги. Наши выводы относительно этимологии слова *кузютка* и мотивации символического значения будут разными. В результате этимологического анализа диалектной лексемы *кузютка* были выдвинуты четыре версии происхождения этого слова.

Первая версия – от коми-пермяцкого существительного *кузь* со значением ‘черт, леший’ – вряд ли подходит для тульского *кузютки*, поскольку эти земли испокон веков принадлежали вятичам, а их язык практически не испытывал влияния ни тюркских, ни финно-угорских языков.

Вторая версия – от тюркизма *кузов* – может быть отвергнута по той же самой причине, а тульский *кузютка*-‘домовой’ и рязанский *кузютка*-‘кузов’ – лишь омонимы.

Третья версия – от слова *кузюкать* (‘щекотать’), а в конечном счете от древнетюркского слова *коза*, заимствованного ранее в эпоху формирования общеславянского словаря, – вполне возможна, хотя и не объясняет того факта, что глагол *кузюкать* встречается во многих областях, а его производное – только в Дубенском районе Тульской области.

Четвертая версия – результат отождествления народной этимологией Кузи, полученного от полного имени Кузьма (или Козьма), с кузнецом – наиболее вероятна в связи со специализацией этого региона в кузнечном деле и, как результат, большой плотностью в Дубенском районе храмов, посвященных святым Косьме и Дамиану, которых на Руси считали покровителями кузнечного дела, как и домового в славянской мифологии.

Разграничивая этимологию и мотивацию, мы пришли к выводу, что источником символического значения является не только этимон слова. Несмотря на омонимию корней, все четыре значения объединены народной эти-

⁵ Официальные данные переписи 1897 г. опубликованы на сайте Demoscop.ru. URL: <http://www.demoscop.ru/weekly/2019/0821/index.php> (дата обращения 03.09.2019).

мологией и имеют общие символические значения – ‘огонь и кузнечное дело’, ‘достаток’, ‘детеныш’, ‘семья, брак’, ‘рукоделие’, ‘плодородие’. Только в синкретизме корня *куз-* можно составить полное историко-культурное представление о символическом значении слова *кузютка*. И только в этом случае приоткрывается «запечатанное» в одном диалектизме национальное отношение древних предков к дому и его сверхъестественным покровителям, детям, хозяйству и бытовым предметам, наделенным магией добра.

Список сокращений

Арх. – Архангельская губерния (область); **Брян.** – Брянская область; **Волог.** – Вологодская губерния (область); **Ворон.** – Воронежская губерния (область); **Влад.** – Владимирская губерния (область); **Дон.** – область Войска Донского; **Дубн. Тул.** – Дубенский район Тульской области; **Калуж.** – Калужская губерния (область); **Краснояр.** – Красноярский край; **Кир.** – Кировская область; **Колым.** – бассейн реки Колымы; **Курск.** – Курская губерния (область); **Новг.** – Новгородская губерния (область); **Олон.** – Олонецкая губерния; **Орл.** – Орловская губерния (область); **Перм.** – Пермская губерния (область); **Пск.** – Псковская губерния (область); **Рост.** – Ростовская область; **Самар.** – Самарская губерния; **Сибб.** – Сибирская губерния; **Смол.** – Смоленская губерния (область); **Ставр.** – Ставропольский край; **Том.** – Томская губерния (область); **Тул.** – Тульская область; **Шил. Ряз.** – Шилловский район Рязанской области; **Юго-Вост.** – юго-восток России; **Яросл.** – Ярославская губерния (область)

Список литературы

- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994.
- Белова О. В.* Кузьма и Демьян // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 269.
- БСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.
- Валенцова В. В.* Шерсть // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 492–493.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 447 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1994.
- Добродомов И. Г.* Кто такая кузькина мать? // Русская речь. 1990. № 1. С. 128–132.
- Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Русский ассоциативный словарь: В 2 т. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. 2: От стимула к реакции. 992 с. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 20.08.2019).
- Кудряшова Р. И., Брыкина Е. В.* Названия животных, характеризующихся детскостью, невзрослостью, в донских казачьих говорах // Изв. Саратов. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 46–51.
- Левкиевская Е. Е.* Замок // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 169–170.
- Маркина Л. В.* Диалектные бранные обозначения женщин (на материале современных русских говоров) // Русский язык и литература в образовательном процессе: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: ИД «Марк», 2016. С. 64–69.
- Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М.: Рус. яз., 1980. 384 с.

Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

Померанцева Э. В. Рассказы о домовом // Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 92–117.

Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 285–379.

Ремизов А. М. Автобиография 1912 г. / Публ. А. М. Грачевой // Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс-Atheneum, 1993. Вып. 3. С. 437–442.

Ремизов А. М. Кузька-Кузютка // Сторона небывалая: Легенды. Сказки. Сны. Фантастика. Исторические были-небыли / Сост. И. Попова, Н. Поповой. М.: Русский путь, 2004. 488 с.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. 697 с.

СОГ – Словарь орловских говоров: Учеб. пособие. Орел: ОГПИ, 1992. 160 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой. Пермь: Книжный мир, 2001. Вып. 1. 479 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. СПб.: Наука, 1980. Вып. 16. 376 с.

СРЯз – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньева. 4-е изд. М., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 27.03.2018).

Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–40.

Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 2. 623 с.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. 444 с.

Якушевич И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. Владимир: Транзит-ИКС. 2018. 182 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: Учеб. пособие. Ярославль, 1986. Вып. 5. 131 с.

References

Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: V 3 t.* [Poetic views of the Slavs on Nature: In 3 vols]. Moscow, Indrik, 1994.

Belova O. V. Kuz'ma i Dem'yan [Kuzma and Demyan]. In: *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002, p. 269.

Bol'shoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva [A large explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Russkie slovari, Astrel', AST, 2003, 608 p.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 2 t.* [The historical and etymological dictionary of the Russian language: In 2 vols]. Moscow, Rus. yaz., 1993, vol. 2, 623 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Transl. from German and compl. by O. N. Trubachev. Moscow, Progress, 1986, 672 p.

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: V 2 t*. [Proverbs of the Russian people: In 2 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, vol. 2, 477 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t*. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols]. Moscow, Terra, 1994.

Dobrodomov I. G. Kto takaya kuz'kina mat'? [Who is Kuz'kina mat'?]. *Russkaya Rech' (Russian Speech)*. 1990, no. 1, pp. 128–132.

Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. *Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t*. [Russian associative dictionary: In 2 vols]. Moscow, AST, Astrel', 2002, vol. 2, 992 p. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed: 20.08.2019).

Kudryashova R. I., Brysina E. V. Nazvaniya zhivotnykh, kharakterizuyushchikhsya detskost'yu, nevzroslost'yu, v donskikh kazach'ikh govorakh [Names of animals characterized by childhood, adulthood, in Don Cossack dialects]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 46–51.

Levkievskaya E. E. Zamók [Lock]. In: *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002, pp. 169–170.

Markina L. V. Dialektnye brannye oboznacheniya zhenshchin (na materiale sovremennykh russkikh govorov) [Dialect swearing designations of women (based on the material of modern Russian dialects)]. In: *Russkiy yazyk i literatura v obrazovatel'nom protsesse: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russian language and literature in the educational process: materials of the Intern. scientific-practical conf.]. Saratov, Publ. H. "Mark", 2016, pp. 64–69.

Petrovskiy N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, Rus. yaz., 1980, 384 p.

Pimenova M. V. Leksiko-semanticheskii sinkretizm kak proyavlenie formal'nosoderzhatel'noy yazykovoy asimmetrii [Lexico-semantic syncretism as a manifestation of formal-meaningful language asymmetry]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2011, no. 3, p. 19–48.

Pomerantseva E. V. Rasskazy o domovom [Stories about the brownie]. In: *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 92–117.

Potebnaya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow, Labirint, 1999, 300 p.

Potebnaya A. A. O nekotorykh simvolakh v slavyanskoy narodnoy poezii [About some symbols in Slavic folk poetry]. In: *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow, Pravda, 1989, pp. 285–379.

Remizov A. M. Avtobiografiya 1912 g. [Autobiography of 1912]. Publ. by A. M. Gracheva. In: *Litsa. Biograficheskii al'manakh*. Vyp. 3 [Persons. Biographical almanac. Iss. 3]. Moscow, St. Petersburg, Feniks-Atheneum, 1993, pp. 437–442.

Remizov A. M. Kuz'ka-Kuzyutka [Kuzka-Kuzyutka]. In: *Storona nebyvalaya: Legendy. Skazki. Sny. Fantastika. Istoricheskie byli-nebyli* [Never Land: Legends. Tales. Dreams. Fiction. Historical fiction]. I. Popov, N. Popova (Comps). Moscow, Russkiy put', 2004, 488 p.

Shipova E. N. *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Turkisms in Russian]. Alma-Ata, Nauka KazSSR, 1976, 444 p.

Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: In 5 vols]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, vol. 2, 697 p.

Slovar' orlovskikh govorov: Učeb. posobie [Dictionary of Oryol dialects: training manual]. Orel, OGPI, 1992, 160 p.

Slovar' permskikh govorov [Dictionary of Perm dialects]. A. N. Borisova (Ed.). Perm, Knizhny Mir, 2001, iss. 1, 479 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov (Eds). Leningrad, Nauka, 1980, iss. 16, 376 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of Russian language: In 4 vols]. A. P. Evgen'eva (Ed.), 4th ed., Moscow, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 27.03.2018).

Toporov V. N. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh etimologičeskogo analiza [About some theoretical foundations of etymological analysis]. In: *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in etymology and semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, pp. 19–40.

Trubachev O. N. *Proiskhozhdenie nazvaniy domashnikh zhivotnykh v slavyanskikh yazykakh* [The origin of the names of pets in Slavic languages]. Moscow, AN SSSR, 1960, 116 p.

Valentsova V. V. Sherst' [Wool]. In: *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002, pp. 492–493.

Yakushevich I. V. *Simvol "dom" v russkom yazyke i poetičeskom tekste* [The symbol "home" in the Russian language and poetic text] Vladimir, Tranzit-IKS, 2018, 182 p.

Yaroslavskiy oblastnoy slovar': Učebnoe posobie [Yaroslavl Regional Dictionary: training manual]. Yaroslavl', 1986, iss. 5, 131 p.

Сведения об авторе

Якушевич Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия)

sa1107@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3053-7530

Information about the author

Irina V. Yakushevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines of the Moscow City University (Moscow, Russian Federation)

sa1107@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3053-7530